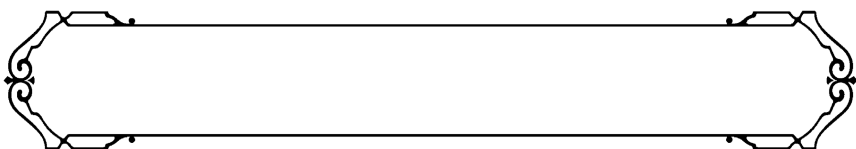

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ ТОНАХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПОМИНАНИЙ
ДЖОНА ЭЙЧ ВАТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ,
ОТСТАВНОГО ВОЕННОГО ВРАЧА

1. М-Р ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Негли¹, чтобы пройти курс военной хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятой нортумберлендской стрелковой бригаде. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я успел прибыть на место службы, разразилась Вторая афганская война². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев несколько стратегических укреплений, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными несчастьями и бедствиями. Переведенный из своей бригады в Беркширскую, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там я был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила кость и задела подключичную артерию. Я бы непременно попал в руки кровожадных газей⁵, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея, который взвалил меня поперек вьючной лошади и умудрился благополучно доставить до британских позиций.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых страдальцев отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Сауттемптона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878—1880 гг.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 г. закончилась поражением британцев.

⁴ Д ж е з а й л — традиционное длинноствольное дульнозарядное ружье некоторых народов Центральной Азии, особенно было распространено в Афганистане.

⁵ Почетный титул мусульман, воевавших против неверных.

от ранения и окреп настолько, что мог уже ходить по палатам и даже поне-многу загорать на веранде, когда меня внезапно сразил брюшной тиф — это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоро-равливать, то оказался настолько слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня обратно в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронте» и месяц спустя высадили на пирс в Порте-муте с непоправимо разрушенным здоровьем, но с разрешением отечески заботливого правительства использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер — по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах я, естественно, тяготел к Лондону, этому отстойнику, в который непреодолимо втягиваются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя лишенное покоя бессмысленное существование и тратя те деньги, которые у меня имелись, с беспечностью куда большей, чем дозволительно, в результате чего мое финансовое положение оказалось настолько угрожающим, что вскоре стало ясно: я должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо полностью изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее претенциозном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому заключению, в «Крайтири-он-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда бывшего моим ассистентом в госпитале «Бартс»¹. Одинокому человеку всегда приятно увидеть знакомое дружелюбное лицо в большой пустыне Лондона. В старые времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он в свою очередь, казалось, был искренне рад встрече. В порыве восторга я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчичьей пролетке.

— Что, черт возьми, вы с собой делали все это время, Ватсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. — Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я коротко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

— Бедолага! — сочувственно сказал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. — И что вы собираетесь делать теперь?

— Искать жилья, — ответил я. — Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену.

— Как странно, — заметил мой спутник, — за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

¹ Старейшая лондонская больница.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один приятель, который работает в химической лаборатории госпиталя. Сегодня утром он жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять на двоих слабую квартиру, — ему одному она не по карману.

— Вот те на! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен кто-то, чтобы разделить жилье и плату за него, то я для него именно такой человек. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем жить одному.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала странноватым взглядом.

— Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, — сказал он. — Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

— Почему? Что с ним не так?

— О, я вовсе не говорю, что с ним что-то не так. Просто он человек с немного странными идеями — энтузиаст определенного рода научных изысканий. Но насколько мне известно, человек он вполне порядочный.

— Он, наверное, изучает медицину? — предположил я.

— Нет. Я понятия не имею, что именно он изучает. Кажется, он хорошо разбирается в анатомии, и еще он первоклассный химик, но насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия вообще отрывочны и эксцентричны, но в ходе их он накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

— И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? — удивился я.

— Нет. Он не из тех, кого легко разговорить, хотя может быть весьма болтлив, когда им овладевает некая фантазия.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж делить с кем-нибудь жилье, то я бы предпочел человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и волнений я еще недостаточно окреп. Этого я столько нахлебался в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

— Он наверняка торчит у себя в лаборатории, — ответил мой спутник. — Он либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему прямо после обеда.

— Разумеется, — обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд по дороге рассказал мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я вознамерился делить квартиру.

— Только, если вы с ним не поладите, меня не вините, — сказал он. — Я знаю о нем лишь то немногое, что смог понять во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

— Если мы не поладим, можно ведь просто расстаться, — ответил я и добавил: — Но мне кажется, Стэмфорд, что вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

— Не так-то просто выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс чуточку излишне одержим наукой, а это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу себе представить, как он даст другу щепотку новейшего растительного алкалоида — не по злобе, как вы понимаете, а просто из любви к научному эксперименту: чтобы точно зафиксировать проявления его воздействия. Но надо отдать ему должное, полагаю, что скорее и с той же готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у него страсть к точному и проверенному знанию.

— В этом нет ничего дурного.

— Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избивания тростью труш в прозекторской, это выглядит весьма эксцентрично.

— Избивания труш?!

— Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образовываться синяки. Я собственными глазами видел, как он это проделывает.

— И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

— Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас вы будете иметь возможность составить о нем собственное представление. — На этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к его концу низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком, заставленная где выстроившимися в ряд, где беспорядочно громоздившимися склянками. Широкие низкие столы были расставлены безо всякой системы, и на них теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком:

— Я его нашел! Нашел! — сообщил он моему сопровождающему, одновременно бросаясь к нам с пробиркой в руке. — Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин и больше ничего.

Найди он золотую жилу, большего восторга на его лице все равно быть не могло.

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Рад познакомиться, — сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не ожидал. — Вижу, вы прибыли из Афганистана.

— Господи, как вы это узнали? — Я был потрясен.

— Неважно, — ответил он, усмехнувшись чему-то своему. — Сейчас главный вопрос в гемоглобине. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

— С точки зрения химии это, безусловно, интересно, — ответил я. — Но что касается практической пользы...

— Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно даст возможность проводить непогрешимо точный анализ следов крови? Идите же сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к столу, за которым работал до нашего прихода. — Давайте-ка добудем немного свежей крови, — сказал он, вонзая себе в палец длинную иглу и всасывая показавшуюся каплю крови химической пипеткой. — Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Вы видите, что раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, он всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

— Ха-ха! — победно воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. — Ну, что вы об этом думаете?

— Похоже, это очень тонкий анализ, — заметил я.

— Превосходно! Превосходно! Старый гваяколовый¹ анализ был чересчур сложным и неточным, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее незаменимо, если кровавые пятна имеют давность не более нескольких часов. А мой новый анализ, похоже, вообще не зависит от того, свежие они или застарелые. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

— В самом деле! — пробормотал я.

— Очень часто расследование упирается в эту одну-единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрели его белье и одежду и нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, или грязи, или ржавчины, а может быть, это следы фруктового сока или что-нибудь еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

— Вас следует поздравить, — заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

¹ От названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякологового дерева.

— В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело о доме Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

— Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, — рассмеялся Стэмфорд. — Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

— И уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, — заметил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. — Нужно быть осторожным, — объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, — я много вожусь с ядами. — Он вытянул руку, и я заметил, что она вся была покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

— А мы пришли по делу, — сказал Стэмфорд, усаживаясь на высокий трехногий стул и ступней подталкивая мне другой такой же. — Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, чтобы оплачивать квартиру пополам, я подумал, что неплохо бы свести вас вместе.

Шерлока Холмса, похоже, идея разделить со мной жилье восхитила.

— Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, — сказал он, — которая могла бы нам идеально подойти. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

— Я сам всегда курил матросскую махорку, — ответил я.

— Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Так, дайте подумать — какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и я могу неделями не открывать рта. Когда такое случается, вы не должны думать, что я дуоюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот перекрестный допрос, я рассмеялся.

— У меня есть щенок бульдога, — признался я, — и я не выношу шума, поскольку у меня расшатаны нервы, еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные — эти.

— Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? — с тревогой поинтересовался Холмс.

— Это зависит от того, кто играет, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке — божественное наслаждение, плохая же...

— О, можете не беспокоиться, — с радостным смехом перебил он. — Думаю, мы договорились — то есть в том случае, если вас устроит квартира.

— Когда можно ее осмотреть?

— Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедем и все уладим, — сказал он.

— Отлично — ровно в полдень, — подтвердил я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса среди его химикатов, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг спросил я, останавливаясь, — откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

— Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда он все узнает.

— О! Тайна, не так ли? — воскликнул я, радостно потирая руки. — Это очень пикантно. Я весьма признателен вам за то, что вы свели нас вместе. Помните: «Чтоб человечество познать, персону должно изучать»!¹

— Ну, тогда постарайтесь изучить Холмса, — сказал Стэмфорд, помахав мне на прощание рукой. — Желаю удачи, однако увидите, что это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

— Прощайте, — ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

2. МЕТОД НАУЧНОЙ ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру по Бейкер-стрит, 221-б, о которой он рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой — в ней имелись два широких окна. Жилище оказалось таким идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была совершена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и чехлов с одеждой. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А когда с этим было покончено, начали постепенно приспосабливаться к своему новому жилищу и обживать его.

Неудобным компаньоном Холмс, совершенно очевидно, не был: его привычки были постоянными и мирными. Он редко бодрствовал после десяти часов вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я проснулся. Иногда он дни напролет проводил в химической лаборатории, иногда — в прозекторской, а время от времени — в долгих прогулках, которые, похоже, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда он впадал в рабочий раж,

¹ «The proper study of Mankind is Man» — вторая строка Эпистолы II из «Опыта о человеке в четырех эпистолах» Александра Поупа (перевод мой).

но время от времени наступала обратная реакция, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване, с каменным лицом, не произнося почти ни единого слова. В такие периоды я замечал в его глазах такую мечтательную отрешенность, что, не будь его образ жизни столь трезвым и воздержанным, на ум могло прийти подозрение: уж не употребляет ли он какой-нибудь наркотик.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к нему, мое любопытство относительно его жизненных целей постепенно становились все глубже и настоятельней. Сама его личность и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так избыточно худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый и пронизательный, если не считать тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал, а тонкий орлиный нос придавал его лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что он — человек волевой. Его руки всегда были перепачканы чернилами и изобиловали следами воздействия химических препаратов, притом что действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как он манипулирует своими хрупкими научными инструментами.

Читатель может считать меня неисправимым пронирой, поскольку я сам признаю, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе испытывать его сдержанность, касающуюся всего, что было связано с ним самим. Однако прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь беспечной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы завладеть моим вниманием. Здоровье не позволяло мне рисковать и выходить из дома, если погода не была исключительно теплой и солнечной, а друзей, которые могли бы навещать меня и скрашивать монотонность повседневного существования, я не имел. В подобных обстоятельствах меня, естественно, неодолимо влекла тайна, окружавшая моего сотоварища, и я тратил немало времени в попытках проникнуть в нее.

Медицину он действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он и систематическим курсом самообразования, который мог бы позволить ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее его страсть к определенному рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в определенных эксцентричных рамках настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошарашивали. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или собирать сведения так тщательно, если бы не имел в виду достижение некоего определенного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются точностью своих познаний. Ни один человек не будет сжигать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет достаточно основательной причины это делать.

Его невежество было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал практически ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля¹, он с наивнейшим видом заинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако кульминации мое изумление достигло тогда, когда я случайно обнаружил, что он — полный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, понятия не имеющий о том, что Земля вертится вокруг Солнца, показалось мне настолько неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

— Вижу, вы удивлены, — сказал он, с улыбкой наблюдая за изумленным выражением моего лица. — Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

— Забыть?!

— Видите ли, — пояснил он, — по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит заставить мебелью по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или, во всяком случае, оказывается захламенным стольким количеством ненужных вещей, что достать его в случае необходимости просто не представляется возможным. Человек же разумный очень избирателен в смысле того, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, необходимых для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент будет у него очень богат, и содержать его он будет в идеальном порядке. Ошибочно думать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может расширяться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится забывать что-то из ранее приобретенного. И чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

— Но Солнечная система! — запротестовал я.

— А какой мне в ней прок? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы разница не стоила бы ни гроша.

Это был весьма подходящий момент, чтобы спросить его, в чем именно состоит его работа, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать свой вывод. Он сказал, что не станет запоминать ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, все знания, которыми он обладал, должны быть полезны именно ему. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих он обнаружил высочайшую осведомленность. Я даже взял карандаш и записал их. Изучая получившийся документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

¹ Карлейль, Томас (1795—1881) — английский публицист, историк, философ.